

Время мк. - 2003 - 5 февр. - с. 11.

Вчера в прокат вышел фильм «Гололед», в котором кинокритик Михаил Брашинский впервые выступает как автор сценария и режиссер.

В пресс-релизе к «Гололеду» его создатели — Михаил Брашинский и продюсер Елена Яцура — много говорят о порнографии, о Москве и героине актрисы Виктории Толстогановой. В том смысле, что Москва — это такой вибратор, который, с одной стороны, доставляет наслаждение, а с другой — высасывает из человека все соки. Еще, что город этот очень сумбурный, быстро развивается, бьет наотмашь, мелькает за окном автомобиля — ничего не разглядеть. Еще о том, как героиня Толстогановой мчится сквозь этот город и одновременно работает адвокатом, который пустился в рискованную аферу. Еще о том, что «Гололед» был исключен из телепроекта «Русский Декамерон», «как несоответствующий морально-этическим нормам российского телевидения», а потом по той же причине лишился господдержки. Еще ни разу не упоминается питерский актер Илья Шакунов, в течение 50 минут работающий в кадре чуть ли не на сплошных крупных планах. Между тем героиню Толстогановой можно наблюдать на экране не более 20 минут, и ее адвокатская история на самом деле не имеет ни малейшего значения, львиная доля действия приходится на замкнутое пространство квартиры, а что

касается порнографии, то единственную любовную сцену между героем и его бойфрендом можно считать образцом целомудрия. «Гололед» — один из самых романтических фильмов последних лет, в котором происходит совсем не то, о чем нам рассказывают. Налицо определенное лукавство, как будто создатели фильма одну его часть как-то особенно любят и ценят, а другую не замечают. Именно ту, где главный герой переживает ломку от смены всех жизненных ориентиров.

Брашинский дает камеру оператору в руки, и камера скачет, скользит, носится и летает. Мир, снятый этой камерой, тоже скачет, скользит, носится и летает. Это смазанный, размытый мир. Мир, где нет устойчивости и точек отсчета, потому что не от чего оттолкнуться. Говорят, что на 70 минут экранного времени приходится 1011 монтажных склеек. Это очень сильное мельтешение. История на самом деле рассказана очень простая. Девушка-адвокат обнаруживает кассету с компроматом на своего клиента. Эту кассету она хочет показать и вашим, и нашим, поэтому все ей угрожают и даже хотят убить. Топят в бассейне. Подсовывают в мороженое осколок стекла. Разбавляют жидкость для линз какой-то едкой дрянью. В глазной клинике она встречает молодого человека, у которого тоже проблема с линзами. Он от них плачет. После этой встречи, собственно, и начнется настоящая история. Когда-то такая исто-

Очень скользкое кино

рия уже была рассказана. Жил-был мальчик Кай, которому в глаз попал кусочек зеркала, и Кай оледенел. А потом пришла девочка Герда, растопила осколок, и Кай ожил. Старо, как мир. В отличие от Кая герою «Гололеда» это не принесло ни радости, ни счастья. Потому что, поскользнувшись на случайности, которая в просторечии называется любовью, он сильно разбился.

«Гололед» режиссера Брашинского — это очень цель-

ное кино критика Брашинского. Одного, между прочим, из лучших на отечественном небосклоне. Брашинский смотрит кино много и хорошо. Он пишет о кино много и блестяще. Он знает о кино все. Тенденции, стили, приемы, моду. В принципе, судя по «Гололеду», для него вообще нет в кино белых пятен. Эти знания очень отягощают режиссера Брашинского. «Гололед» — это такой культурный бульон, который рас-

ходитя концентрическими кругами вокруг центральной фигуры — фигуры автора. Трудно говорить об авторской несамостоятельности. Это, скорее, самостоятельная переработка того, что я знал о кино и не побоялся показать всему свету. Хаос получился чудовищный. В этом хаосе, где нет причин, а только следствия, где нет сюжета, а только ситуации, Брашинский умудряется очень внятно и точно рассказать о героях все, что должен знать о них зритель. Ему неинтересна вне-

шняя атрибутика их жизни. Ему не нужны анкетные данные и биографические факты. Ему вообще не нужно ничего, что можно назвать фактурой. Он берет такую неведомую субстанцию, как состояние души, и разворачивает в роман. У него явный талант к рассказыванию несуществующих историй. Он вообще очень талантливый человек. Вот только чужое кино ему сильно мешает.

ОЛГА ШУМЯЦКАЯ

Накануне премьеры фильма режиссер **МИХАИЛ БРАШИНСКИЙ** ответил на вопросы нашего корреспондента

— Вашу картину показывали на фестивалях в Ханты-Мансийске и Роттердаме. Насколько по-разному смотрит ее наша и европейская публика?

— Публика везде одинакова — она либо захвачена действием, либо нет. По-моему, и там, и там она была захвачена.

— Вы говорили, что «Гололед» — фильм об испорченном зрении. Закладывались ли ассоциации со «Снежной королевой» Андерсена?

— Разумеется, это фильм о зрении, так как о зрении — само искусство кино. И стеклофобия там тоже есть. Это вообще фильм о глазах и стеклах.

— Для меня, кроме стеклофобии и темы зрения, здесь есть еще одна очень важная тема. То, что мы мчимся навстречу друг другу, задеваем по касательной и проскакиваем мимо. Вот это слово «по касательной» мне кажется ключевым.

— Это очень точное замечание. Мы именно так и строили работу камеры. Конечно, это жизнь, скользкая мимо нас, и мы, скользкие мимо жизни.

— Насколько ваше мироощущение режиссера отличается от мироощущения кинокритика? Можно ли сказать,

что сейчас вы другой человек, чем тот, который два года назад еще никогда не произносил команды «Мотор!»?

— Я и минуту назад, когда вы меня об этом спросили, был другим человеком. И через минуту тоже буду другим. Надеюсь, что меняюсь постоянно. Все люди на свете — копают они яму или разносят пиццу — занимаются одним и тем же. Они находят разные способы жизни. Я сейчас нашел способ, который, как мне кажется, является моим.

— А к критике вы сейчас относитесь с опаской?

— Без всякой опаски. С интересом, некоторым саспенсом и трепетом. Я вообще нахожусь в сложной ситуации независимо от того, о ком я думаю — о зрителях или о критиках. Я снимал сложную картину, чтобы она тревожила людей, и теперь стою с той стороны зала и жду, когда они выйдут и будут меня поздравлять. На самом деле я сам сделал все, чтобы им это было неудобно. Поэтому я готов к любой реакции, кроме равнодушной. Но мне кажется, мой фильм не оставляет возможности для равнодушия.

— Понимаю, что к такой картине неприменимы критерии науки. Однако насколько достоверны поступки героя с точки зрения психологии? Советовались ли вы с профессиональным психологом? Читали ли книги по психологии?

— Мне была интересна история падения. Драматургия этого фильма — это история падения. Я не консультировался с учеными и не читал книжек, но попытался быть предельно точным в психологии падения, такой, какой я ее себе представляю. Я даже выстраивал графики, чтобы процесс между тем моментом, когда герой спрашивает себя: «Кто я такой?», и тем, когда он впервые реально видит себя в зеркале, был очень точно расставлен по этапам.

— Это правда, что вы собираете коллекцию порнографических кассет?

— Ну, коллекция — это несколько увеличено, хотя мое отношение к порнографии крайне положительное. Мне кажется, что это прекрасная вещь, и я не хотел бы встречаться с глупцами, которые считают по-другому. С другой стороны, это предмет публичного обсуждения. Это интересно. Мы вообще говорим о порнографии так, будто уже договорились, что она означает. На самом деле то, что является порнографией для вас, совсем необязательно является тем же самым для меня. Мало есть вещей в жизни, которые а) дают человеку такое удовольствие, б) вызывают настоящие столкновения мнений, что тоже прекрасно, и в) имеют непосредственное отношение к природе кино...

ЗАПИСАЛ **АЛЕКСАНДР КОЛБОВСКИЙ**